

"И ты будешь брошен им, последний вздох умирающего Бога".

На краю Сегментума Темпестус, на агро-мире Гелиоса, что-то произошло.

Что-то... прекрасное.

В завуалированном регионе галактики, на просторных полях и открытых равнинах маленького дома, так сильно отрезанного от перенаселенной вселенной;

дар жизни был дан еще раз.

"Мальчик", - воскликнула акушерка, бережно прижимая к себе крошечного человечка, - "Это мальчик, моя...". Мать была мертва. Когда акушерка подняла голову, она поняла, что это правда. Мягкая улыбка на лице Леди была почти призрачной, учитывая, что ее грудь больше не вздымалась и не опускалась, а бледная кожа казалась гораздо более призрачной, чем раньше.

Ее глаза больше не фокусировались и не направлялись.

Роды были трудными.

Но ребенок появился на свет, живой, дышащий и осознающий.

И, словно почувствовав отсутствие матери, ребенок начал плакать.

Инстинктивно акушерка начала ворковать над ребенком, чтобы успокоить его.

Медленно, но верно, сильные крики мальчика прекратились, его крошечные легкие больше не могли производить шум. Его спокойные голубые глаза смотрели на акушерку с отсутствующим любопытством, крошечная рука уверенно тянулась к ней.

"Мне очень жаль, малыш", - тихо произнесла она, стараясь не напугать новорожденного. На глаза навернулись слезы, когда она продолжила свои слова словами: "Твоя мама любила тебя". Она не знала, зачем ей понадобилось это пояснять, но слова все же пришли к ней.

"Тогда давай приведем тебя в порядок, да?" - риторически спросила она ребенка, перенося его в другое место в маленькой квартире-улье.

Пока ребенка мыли и одевали, она посмотрела в угол комнаты.

Его взгляд привлекло пространство, освещенное светом свечи. Свечение исходило от святилища, посвященного Богу-Императору.

Повелителю человечества.

Бог-покровитель расы, находящейся под постоянной угрозой уничтожения.

Человечество всегда было в опасности.

Миллионы миров были осаждены и разрушены, миллиарды погибли в хаосе и зле вселенной. Без защиты Императора, заключенного в его Золотой гробнице, человеческая раса сталкивалась с угрозой исчезновения каждый миг своего существования. Махинации зла направляли средства их уничтожения.

Но Боги Хаоса были не единственными существами, влияющими на Галактику.

"Ну вот, - сладко улынулась акушерка, - все чисто" Ребенок моргнул и поднял на нее глаза, издав лишь тихое бульканье.

Его звали Люциан, и когда ему было пять лет, он чувствовал себя свободным.

Алена разрешала ему играть в такие дни. Последние дни недели. Три восхода и заката перед тем, как он отправлялся помогать в поле.

Когда он не был на работе, Люциан наслаждался травой, окружавшей его дом. Безмятежный покой прекрасно успокаивал.

Даже если уродливый серый город, изрыгающий дым и гарь на горизонт, изо всех сил старался испортить ему вид.

Дерево, на котором он сидел, было недостаточно высоким, чтобы можно было обозревать город.

Его увядшая кривая ветка позволяла видеть только крышу его дома. Находясь на своей любимой ветке, на самой высокой точке, он стоял спиной к городу.

Потому что, несмотря на то, что он едва мог видеть над гребенчатой и серой крышей, зрелище, открывавшееся перед ним, того стоило.

Поля золотистой пшеницы и тростника, которые собирали круглый год благодаря невероятно благоприятному климату Гелиоса.

Свежий воздух, в котором едва ощущался запах надвигающегося города, успокаивал Люциана.

Он покачивался на ногах, наслаждаясь всем этим.

Он был свободен.

В свои восемь лет Люциан был быстр.

Его короткая коса скользила по тростнику, идеально удаляя основную массу. Вокруг него многие другие трудились и работали под теплым солнцем. Это был их долг.

Когда прохладный ветерок пронесся по бескрайним полям, до Люциана долетел голос. Знакомый голос.

"Император не мог просить о лучшем или более умном работнике на ферме" Остус Барроу. Один из многих бригадиров на полях, его наблюдательный взгляд был устремлен на всяких бездельников и общую лень.

Люциану он нравился.

Большой лысый мужчина с кустистой бородой иногда приходил к нему домой, разговаривал с Аленой, даже помогал в учебе.

Иногда он оставался на ночь, а днем брал Лучана с собой на работу в поле.

Именно Остус рассказал ему об Императоре. Повелителе человечества.

Герой человечества, который однажды сядет на золотой трон Терры... "Люциан, не надо предаваться мечтам", - топала мимо него крупная фигура Остуса, оценивая длину его урожая. Крупный мужчина бегло просмотрел таблицу данных, которую носил с собой.

Люциан слышал жужжание своего личного слуги, который документировал сбор урожая.

"Десятина скоро, и у нас не будет недостатка ни в одном зерне", - заметил Остус, проходя сквозь ряды золотых полей.

Императорская десятина. Это был платеж родного мира Люциана, Гелиоса, в пользу Империи. Как сказал ему Остус, "стражники должны есть".

Люциану нравилось думать, что он вносит свою лепту. Служа на этих полях, он косвенно помогал тысячам войн и кампаний, которые велись по всей Вселенной.

Алена и Остус рассказали ему о Вселенной, о том, что это жестокое и неумолимое место.

Только храбрые мужчины и женщины Имперской Гвардии могли защитить их от этих угроз.

Ксеносы.

Пришельцы.

Бесчеловечные монстры, которые хотели только одного - убить все человечество.

Люциан продолжил резать.

Он не хотел, чтобы человечество погибло... он не хотел, чтобы погиб Остус, или Алена... или кто-то из тех, кто работал на полях.

"Стража должна есть", - пробормотал он про себя, ускоряясь в работе.

Коса покачивалась взад-вперед.

В любом случае, сегодня должен был приехать Дессидус.

Люциан усмехнулся.

Одна мысль о вкусной еде, которую принесет Дессидус, звучала потрясающе. Он потрудится до седьмого пота и наестся перед сном.

Идеальный день.

...Юный Люциан не замечал глаз, которые наблюдали за ним. Они были расфокусированными и тусклыми, с блеском, который можно было сравнить с блеском мертвеца... Этот рабочий в конце концов вернулся к своей работе, но если бы кто-нибудь обратил внимание, то увидел бы, что он бросает едва заметные взгляды на юношу.

К тому времени, когда кто-нибудь заметил неестественное внимание этого человека или тихий шепот слов под его дыханием... было уже слишком поздно.

"Люциан!" Зов был тихим, но донесся до маленького строения.

В двенадцать лет юный Люциан начал формироваться в человека, которым он станет.

Конечно же, рабочим на полях, чтобы со временем занять место бригадира Остуса, когда тот станет слишком стар. И хотя Люциан был молод, многие, кто работал вдали от города, могли видеть правду своими глазами.

Мальчик хорошо рос, и если он будет идти по этому пути, его будущее будет спокойным и мирным.

Выносливый и сильный, Алена могла только предполагать, что он начинает перенимать некоторые черты своего отца. Его добрая улыбка принадлежала его матери.

Та же улыбка ворвалась через парадную дверь в гостиную, где Алена сидела вместе с Дессидом.

"Да, мама? Добрый день, Дессидус!" - промурлыкал он, его грудь слегка вздымалась после безумного рывка в дом.

Такой преданный мальчик.

Шепот в ее голове пришел из того места, куда она отказывалась часто ступать.

Но он не ваш сын... не так ли? И яма ее желудка опустилась.

Казалось, этот день наконец настал. Мальчик не хотел усложнять ей жизнь, вовсе нет.

Алена знала, что однажды ей придется рассказать ему.

...но она не верила, что это произойдет именно сегодня.

Дессидус взял бразды правления разговором в свои руки.

"Добрый день, Люциан", - он сделал глоток из чашки чая, которую Алена приготовила для всех, - "может быть, тебе стоит присесть, мой мальчик?"

Алена хочет тебе кое-что сказать". Акушерка взяла себя в руки, даже когда искрящиеся радостью глаза сменились легким замешательством. Он перевел взгляд на нее, сев лицом к двум взрослым на другом конце стола.

Небольшая гостиная в доме была одновременно и кухней. Разговор велся за простым столом, сделанным из дерева и небольшого количества стали. Он был заставлен тарелками и предметами, благовониями и свечами.

Дессидус сидел во главе стола, его обычная сумка со свитками и пергаментом лежала у ног. Его перчатки лежали рядом с кубком.

Рядом с кубком и перчатками лежал сверток, завернутый в коричневый пергамент, форму которого Люциан не мог различить.

Алена сидела слева от него, ее взгляд метался между диковолосым Люцианом и причесанным Дессидом.

В конце концов, женщина заговорила.

"Мой мальчик..." начала Алена, но тут же сглотнула и поправила себя.

"Люциан, - вдохнула она и выдохнула, - Император мне свидетель, я всегда любила тебя, всегда заботилась о тебе. Но ты уже в том возрасте, когда правда... Ты заслуживаешь правды..." Люциан моргнул.

"Правды? Что ты имеешь в виду?"

Алена моргнула, и прежде чем она смогла заговорить, прищурила глаза и посмотрела в сторону.

"Мама?" спросил Люциан, обеспокоенный этой внезапной болью, которую она выразила. Его слова вызвали лишь всхлип у притихшей женщины.

"Дессидус... пожалуйста", - прошептала Алена.

Крупный мужчина, одетый в свою формальную одежду с застегнутыми пуговицами, вздохнул. Но, поднявшись в своем кресле во весь рост, он посмотрел на молодого Люциана.

Мальчик, в свою очередь, услышав мольбу Алены, обращенную к большому человеку, переключил свое внимание на Дессидуса.

Глаза Люциана то и дело переводились на Алену, и по его позвоночнику пробегало беспокойство.

Сделал ли он что-то не так?

'Какую правду?' Узнали ли они о том, что он грубо шутил со своими друзьями?

'Что такое правда?' Они знали о... "Правда, Люциан, - голос Дессидуса казался более черствым, хриплым и серьезным, чем когда-либо до этого, - в том, что Алена не твоя мать" Люциану потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать сказанное. Прежде чем чувство, сродни удару, опустило его в кресло.

Прежде чем он смог заговорить или даже найти слова, чтобы выразить свое внезапное и сильное замешательство, Дессидус продолжил.

"Ты родился у благородной леди Гелиоса Люциана. Я был ее верным слугой и помощником. Алена была акушеркой", - Дессидус сделал глоток чая.

"Твоя мать, леди Велис, умерла во время родов, Люциан. Попытка произвести тебя на свет оказалась слишком тяжелой для ее тела", - руки Люциана дернулись.

Алена была... Алена... Его мать... Его мать была мертва.

Алена не была... "Мой отец?" Люциан закрыл глаза: "Что с ним случилось?"

Дессидус зарычал.

"Чем меньше о нем говорят, тем лучше", - в тоне Дессидуса звучали злоба и ярость, даже когда он продолжал объяснять, антагонизм только нарастал.

"После... встречи с твоей матерью он не появлялся и не возвращался. Даже когда она забеременела, твой отец ни разу не показал себя. Я никогда не встречался с курром", - Дессид снова вздохнул, его ярость немного поугасла.

"Твоя мать, имеющая внебрачного ребенка, не одобрялась дворянами Гелиоса. Настолько, что она вообще отрицала, что когда-либо спала с мужчиной... но когда появился ты, она не захотела тебя терять", - Дессидус положил на стол завернутый пакет.

Люциан мог только смотреть на него.

Его рот отказывался произносить слова.

Дессидус, похоже, еще не закончил говорить.

"Твоей матерью была Харриет Уэлис, первенец губернатора Гелиоса.

Именно она приказала защитить тебя задолго до твоего рождения, и как ее верный слуга я оберегал тебя", - он жестом указал на заплаканную Алену.

Люциан перевел взгляд на свою... не-мать и почувствовал боль в глубине груди. Что это за чувство, он не мог сказать, но оно ему не нравилось.

"Алена согласилась вырастить тебя правильно и безопасно, вдали от улья и опасностей, которые могли бы принести обстоятельства твоего рождения... Люциан вышел за дверь, не успели они и глазом моргнуть.

"Мальчик!" воскликнул Дессидус, но мягкая рука удержала его в кресле.

"Все в порядке, - пробормотала Алена, ослабляя хватку на запястье крупного мужчины, - если он не вернется до заката... Остус будет знать, где его искать" Она отпустила хватку Дессидуса, откинувшись в кресле так удобно, как только могла.

В этот момент весь мир казался ей невероятно тяжелым.

"С ним все будет в порядке", - тихо сказал ей Дессидус.

"Я знаю, - улыбнулась Алена, на глаза которой навернулась слеза, - я желаю ему только лучшего". Дессидус встал, отодвинув стул и устремив взгляд на Алену, у которой не было сил встретить взгляд Верного Слуги.

"Миледи была права, выбрав тебя, Алена Иналика. Люциан однажды вырастет прекрасным человеком". Акушерка и фактическая мать Люциана не могла смотреть на него, пока он уходил, и дверь в дом тихо закрывалась за ним.

Дессидус возвращался в город-улей и к своим обязанностям в Доме Велис.

Алена оставила посылку нераспечатанной и нетронутой. Она принадлежала Люциану. И только он должен был открыть ее.

Титос и Ванелла подняли глаза почти в тот же момент, когда Люциан выскочил из дома.

Они также заметили, как он проигнорировал громкий и сильный крик "Мальчик!", когда мчался к ним.

Эти два маленьких негодника были самыми близкими друзьями Люциана.

Почти все жители их фермерской общины знали этих двух неродных детей как "близнецов".

Не из-за физического сходства, а потому что они всегда все делали вместе. В конце концов, год назад они привлекли золотого мальчика, Люциана Иналика, к своим ежедневным эскападам.

Титос Эртак был сыном фермера, который жил всего в нескольких полях от того места, где остановился Люциан. Он был невысоким мальчиком, но коренастым и крепко сложенным. Даже в тринадцатилетнем возрасте у него на губах торчало несколько волосков. Его фиолетовые глаза были такими же, как у его матери, женщины, которой уже нет среди живых.

В его жилах текла кровь Кадии, и, не обращая внимания на желание отца, он планировал вступить в Имперскую гвардию в течение следующего цикла призыва.

Почти на полголовы выше будущего капитана гвардии была Ванелла Кастелиус. Ее длинные черные волосы были убраны в пучок, оставляя открытыми карие глаза и небольшие шрамы под ними. Она была старшей из троих, ей было четырнадцать лет, и держалась она с достоинством и изяществом. Ее мать была бригадиром на участке полей, расположенном рядом с полем Люциана и самого Титоса.

Если бы не дружба, которую она разделяла с этими двумя мальчиками, она, скорее всего, выросла бы и занимала ту же должность, что и ее мать. Но теперь Ванелла планировала объединиться с Титосом. Вместе они будут служить человечеству по всем звездам, спасут множество людей и станут Героями Империи.

Эти мысли появились не сразу. Самый молодой из их маленькой группы пронесся мимо двух других, исчезнув в поле высотой до шеи.

"Люциан!" Ванелла позвала мальчика, даже когда Титос бросился за убегающим мальчиком.

Она выругалась про себя, прежде чем поспешить за ними.

Поля были длинными и все еще росли. К счастью для двух преследователей, они могли держать в поле зрения своего гораздо более быстрого друга.

Они знали, куда он направляется.

Старик Кранног жил на сравнительно небольшом участке земли.

В его владениях была небольшая часть, которая не принадлежала дворянам Гелиоса.

Этим участком владела его семья.

История гласила, что семья старика Краннога гордо и доблестно сражалась во время вторжения на Гелиос. Как гласит история, предки Старика сражались до последнего, обеспечивая защиту Гелиоса и безопасность одного из членов семьи Велис.

Проклятые ксеносы повернули хвост и скрылись, оставив маленького мальчика хозяином дома.

Эта жертва была вознаграждена участком земли, и все, что выживший - дед Старика - пожелал там вырастить.

Последний на тот момент Кранног выбрал дерево.

Яблоню.

Фруктовое дерево, которое будет жить в веках, обеспечивая пропитание и пищу не только его

семье, но и соседям и общине.

Дерево стало символичным для многих. У его основания находилось небольшое святилище императора, и многим разрешалось приходить к нему и возносить молитвы.

С годами дерево выросло в размерах, возвышаясь над маленькой крепостью, которую держал Кранног.

Его огромные конечности и ветви смело возвышались в небо, сочные красные плоды свисали со всех сторон.

Здесь можно было встретить множество работников, которые приходили к Старику и спрашивали, не разрешит ли он им отдохнуть под благосклонной тенью дерева.

На бескрайних просторах полей трудно было найти такую новинку, как тень.

Но старик отворачивался от большинства.

Однако у него была одна слабость.

Невинные глаза юноши всегда сжигали его грубую внешность. В дни молитвы или отдыха многие дети лазали по дереву, смеялись, играли под его сенью.

Титос и Ванелла потеряли Люциана в поле. Но они знали, где он. Они видели его, когда приближались к дому Краннога.

С вершины дерева, на высоте почти двадцати метров от земли, виднелись черные волосы Люциана.

Мальчик не наблюдал за их приближением, его взгляд был устремлен на город-улей вдалеке.

Титос и Ванелла переглянулись, выезжая с поля. Они обсуждали, что могло вывести их друга из себя.

Оба предположили, что дело было в Остусе и в том, что этот человек так явно хотел жениться на Алене.

Об этом сплетничали в их общине.

Но Люциану нравился Остус... Такое резкое возражение, как бегство из собственного дома... этого не может быть.

Так что же его беспокоило?

"Я вот думаю, не придется ли мне позвать Остуса?" Юноша обернулся на внезапный голос.

Генрик Кранног был стар. Он все еще стоял высоко и гордо, но морщинистые черты лица выдавали его преклонный возраст. Его волосы были потрепанными и седыми. Один из его глаз был слеп.

Он прожил очень долго.

Когда ему оставалось жить совсем немного, он был лишен терпения, а те, кто его слушал, путались в словах.



Самый низкорослый из троих всегда говорил от имени их маленькой группы, будучи самым почтительным и хорошо образованным в словесном отношении.

"Старик Кранног, - спокойно сказал Титос, кивнув на серьезного старца, - простите, если Люциан обидел вас, мы... - поднялась морщинистая рука. Титос захлопнул рот.

"Юный Люциан выглядит очень обеспокоенным". Старик повернулся, чтобы взглянуть на неподвижную фигуру на дереве.

"Нехороший знак", - проворчал он, а затем с легкой ухмылкой обратился к Ванелле: "Разбитое сердце?"

Девушка зашипела, но тут вмешался Титос.

"Сэр... мы не знаем, что его расстроило... только то, что он покинул свой дом в невероятной спешке", - Анрик замолчал, обдумывая то, что сказал ему мальчик.

Ванелла и Титос услышали его бормотание: "Ему сказали...". Генрик вздохнул и закрыл глаза.

"Потратьте время, которое вам нужно, дети... Мне кажется, я знаю источник дурного настроения юного Люциана", - Титос с надеждой посмотрел на старика.

"Ты должен спросить его сам, мальчик", - Анрик повернулся и зашагал прочь к своему просторному жилищу, не обращая внимания на поникшие плечи Титоса.

"Вот тебе и простое решение", - ворчал самый короткий, - "Пойдем, Ван, нам нужно..." Он удивленно моргнул, только потом осознав, что девушка из группы уже пробирается к дереву, готовая забраться на него.

Титос моргнул, хмыкнул и последовал за ней.

Когда он добрался до основания, Ванелла была уже на полпути вверх.

Люциан слышал, как они поднимаются, прежде чем увидел их. Его глаза не отрывались от того места, где они были зафиксированы. Самый большой шпиль Города-улья, самое высокое строение Гелиоса и дом губернатора.

Ванелла забралась на верхнюю ветку, осторожно расположившись в нескольких футах от Люциана. Из уголка своего слегка расфокусированного взгляда Люциан увидел, как ее голова рассекла верхушку дерева.

"Я всегда думал, что ты ненавидишь город", - оторвавшись от созерцания, Люциан посмотрел на свою подругу.

В ее черном пучке было несколько веточек и пара листьев.

На ее лице играла мягкая улыбка, выражение которой следовало за ее спокойными словами.

"У меня... новая перспектива", - начал было Люциан, но остановился, услышав шум, донесшийся снизу.

Снизу донеслось несколько ворчаний и ругательств, и появился Титос, отмахиваясь от мелких материалов, прилипших к его волосам.

"Быстрый ублюдок", - огрызнулся он, устраиваясь поудобнее на ветке. Но в его словах не было злобы: "Всегда нужно показать, какой ты быстрый, а?"

Люциан слегка рассмеялся, на его лице застыла разочарованная улыбка.

Рука дотянулась до его плеча, ладонь мягко сжала его.

Глаза Титоса умоляюще смотрели в глаза Люциана, его рука оставалась на плече друга.

"Что бы это ни было, Люциан, мы, - он жестом указал на Ванеллу, - здесь ради тебя" "Что случилось?" тихо спросила Ванелла, слегка наклонившись к ним двоим. Она поймала взгляд Люциана, и мальчик вздохнул.

Высоко на дереве, дальше всех от земли, ветер в волосах... Люциан жаждал того ощущения свободы, которое он испытывал в молодости.

Чем старше он становился, тем больше становились его обязанности... тем более запутанным становился этот мир.

Он начал с этого, с того, что сбивало его с толку.

"Алена не моя мать", - отреагировали оба, один тонко, другой словесно.

"Что?!" рявкнул Титос, но тут же успокоился. Его инстинктивная реакция была подавлена суровым взглядом Люциана.

"Она вырастила меня. Кормила меня. Обучила меня. Но она не моя мать... она не рожала меня..." Рука Титоса крепче сжала плечо Люциана, имитируя утешение, насколько мог передать грубый мальчик.

"Кто?" - спросил Эртак.

Взгляд Люциана вернулся к шпилью Улья.

"Дворянка", - пробормотал он, не обращая внимания на реакцию своих друзей.

Все они провели время, рассуждая об аристократии Гелиоса.

О том, что никто из них не работает и не трудится так, как они. Когда Империиум призывал солдат, не их дети маршировали под знаменем Императора.

Такие комментарии были ожидаемы между рабочими и детьми рабочих. В последнее время недовольства было больше, чем раньше, но с каждым годом, когда Десятина становилась все ближе, такая реакция была естественной.

Между ними было много комментариев о том, какие дворяне ленивые и никчемные... "Почему ты..." Ванелла с трудом подбирала слова.

"Здесь? Рабочий?" Люциан попытался закончить за нее.

Девушка кивнула, и Люциан вздохнул.

Он опустил взгляд на город и уставился на свои колени и раскрытые ладони, которые лежали на них.

Его глаза проследили ладони, рассматривая линии и бороздки кожи.

"Она умерла, рожая меня. Видимо, я взял на себя "тяжелую ношу", - в его словах был яд. Совсем немного, но ярость ошеломила Ванеллу. Титос был обеспокоен, но показал это только тем, что выражение его лица ожесточилось.

Как же иначе? Холодные слова Дессиды подтверждались только их реальностью. Люциан знал, что тот не станет лгать без нужды, и рассказал ему обстоятельства своего рождения без подробностей.

Хмурый взгляд Титоса, должно быть, достиг последней капли, и он промолвил: "Но твой отец? Он был женат на благородной! Он бы приехал за..." "У него было больше, чем несколько лет, - вклинился Люциан, - но никто не появлялся. Только моя мать знала его личность. Дессидус? Он был ее личным слугой, - Титос слегка кивнул.

Ванелла знала, о ком я говорил. Должно быть, она видела, как он приходил и уходил из моего дома.

"Этот ворчливый, хорошо одетый человек, всегда приносящий с собой приятные закуски, когда приходит в гости" "То же самое, - кивнул Люциан, - он проверял меня, проверял, выполнила ли Алена свою работу" "Алена... она также работала на твою... мать?" Титос с трудом подбирал слова, явно стараясь ничем не разозлить Люциана.

Титос не знал, как справиться с таким откровением, поэтому он с трудом мог представить, как справляется с этим Люциан.

"Она была акушеркой. Она взяла на себя ответственность за меня после того, как моя мать..." Он не закончил предложение.

Да ему и не нужно было.

Они так и ждали втроем, рядом друг с другом, когда солнце начало опускаться за горизонт.

Титос и Ванелла ждали вместе со своим другом столько, сколько могли.

В конце концов, им нужно было возвращаться домой. На следующий день у них была работа. Поля не могли сами себя обслуживать.

Когда солнце сошло с неба, и Гелиос остался в покрывале из тьмы и мерцающих звезд, Люциан оставался на дереве до тех пор, пока мог.

В доме Кранногса зажглись огни, заливая светом часть длинного крыльца.

Взгляд Люциана привлек искусственный свет, естественно, как и фигура, стоявшая там.

Он... возможно, попал в беду.

Остус увидел, как мальчик слез с дерева. Кранног оставил для него вокс-сообщение через час после того, как он покинул дом Алены.

Он доставит мальчика домой в целости и сохранности.

"Надо же такому человеку, как Дессид, свалить такой груз на молодого парня", - подумал он про себя, скрестив руки, когда Люциан выскользнул из тени.

Его мрачное лицо совсем не походило на того яркого и жизнерадостного мальчика, к которому многие привыкли.

Пародия.

Остус напомнил себе, что Дессид был бессердечным человеком. Его слова были бы грубыми, а не утешительными. Какая-то его часть, вероятно, обвинила бы Люциана в смерти его госпожи. То, что не является виной ребенка, и трагедия... но ненависть, о которой мужчина мог знать только подсознательно.

Остус вздохнул.

"Завтра тяжелый день. Лучше тебе отдохнуть, Люциан". Мальчик, слегка наклонив голову и устремив взгляд в грязь, кивнул в знак согласия.

"Да, господин", - сказал он, медленно ступая мимо Остуса.

Остус выдохнул второй вздох и быстро ускорил шаг, чтобы соответствовать темпу мальчика. Они вышли на узкую дорожку между полями, следуя по хорошо протоптанным тропинкам, которые, как они оба знали, вели к усадьбе Иналика.

К дому Люциана.

Но мальчик, вероятно, не считал его таковым.

Остус не знал, как отнестись к такому откровению.

"Ты хоть знаешь, который час?"

Мальчик пробормотал отрицательный ответ.

"Ты бы вернулся домой?"

"В конце концов", - почти прорычал Остус на свой следующий вопрос.

"Ты знаешь, как волновалась Алена?"

Люциан поднял на него глаза, в его взгляде был холодный гнев.

"С чего бы ей волноваться? Я даже не она..." Посреди поля, под ночным небом, Люциан получил один из самых неожиданных ударов, которые он знал.

Удар пришелся ладонью Остуса прямо по его щеке.

Изо рта мальчика хлынула кровь и слюна, голова отлетела далеко вправо, левая щека заалела.

Слезы наполнили глаза Люциана.

Остус опустился на колени, и обе его широкие руки легли на плечи мальчика. Люциан застыл на месте.

"Посмотри на меня, дитя" Мальчик, из первобытного чувства упрямства, держал голову в стороне.

Остус на мгновение замолчал, позволяя ребенку бороться со слезами и пытаться игнорировать его.

Но в конце концов... "Люциан", - голос Остуса был мягче, чем мальчик мог себе представить, - "посмотри на меня". С огромным усилием, уязвляя свою гордость, Люциан повернул голову и посмотрел на бригадира поля.

"Смерть твоей матери была трагедией, Люциан. Твой отец был трусом, раз не пришел, и я надеюсь, что Император покарает его за бесчестье", - Люциан захрипел, когда Остус дал ему время осмыслить слова.

Щека мальчика слегка припухла.

"Но Алена любит тебя, дитя. Она любит тебя очень сильно. Она выполнила свой долг и продолжает выполнять его по сей день, но это не значит, что ее чувства к тебе ложны или вымышлены. Она заботилась и воспитывала тебя, делала все возможное, чтобы сделать из тебя достойного молодого человека. Я бы сказал, что это сработало", - Остус улыбнулся ребенку, его бородатое лицо излучало столько радости, сколько ему удалось.

"Люциан. Знай, что все мы, каждый из нас, кто знает правду... мы сожалеем. Но это не изменит прошлого. Ты должен продолжать, дитя, каким бы странным и трудным все это ни казалось. Ты понимаешь, мальчик?"

Люциан медленно кивнул.

"Хорошо" Остус тоже кивнул, снова возвышаясь над мальчиком.

"А теперь давай отвезем тебя домой. Я думаю, Алена приготовила вкусный суп, и если ты не хочешь есть, то я уж точно буду", - тихо проворчал мальчик. Ему все еще было больно, как физически, так и эмоционально, но он был более спокоен, чем раньше.

Однако ему хотелось сказать еще кое-что.

"Почему он никогда не приходил за мной?"

Голос Люциана был таким тихим и слабым, что Остус едва не пропустил его.

"Я не знаю, дитя, - проворчал Остус, - но, может быть, когда-нибудь ты сможешь спросить его сам?"

Люциан ничего не ответил.

Пара молча вернулась в маленький дом. Ветер и шелест полей были их единственными спутниками.

Люциан вернулся домой, чтобы получить крепкие объятия, которые через мгновение он со слезами на глазах вернул.

Теплая миска супа и несколько тихих разговоров предшествовали его окончательному сну.

Пакет на кухонном столе остался нетронутым.

Дессидус Обрантис вошел в комнату с многочисленными сожалениями. Его кабинет занимал два этажа, причем второй этаж занимали многочисленные книги и романы. Небольшая

лестница, соединявшая оба, и перила второго этажа были усыпаны маленькими кусочками пергамента с молитвами, произносимыми ежедневно.

Большинство из них выражали его сожаления. Самые большие из них были просты для мужчины.

Смерть его госпожи.

Отсутствие знаний о ее... супруге.

Его неспособность когда-либо вернуться к благосклонности достойного Дома Уэлис.

...и смерть ребенка его леди. Это лишь отчасти раздражало его. Ужасное злое порождение умрет, но, к сожалению, не от его руки.

Он вернулся в Центральный улей Гелиоса, оставил пакет в доме Алены и уединился в своем кабинете.

Они появлялись как по часам.

Из стен и проходов, естественно встроенных в кабинет помощника, они входили в его пространство. Замаскированные и укрытые, окутанные тьмой.

В конце концов, комната наполнилась ими. Они заняли все пространство, глядя на него сверху вниз. Вокруг его стола образовался небольшой полукруг, оставляя между ним и ними всего несколько футов.

Дессидус сдержал дрожь в руке, когда лидер, тот, что казался... холодным, приблизился к нему.

Он даже не заметил, как его стул коснулся стеклянного окна позади него.

Она была... неестественной.

Ее глаза сверкали из-под капюшона.

"И?" - ее голос был тошнотворным, но сладким, ужасная смесь приятного для слуха, но в то же время беззвучного и лишнего тембра.

Такие звуки не мог издавать человек. Нормальный человеком, по крайней мере.

Дессидус налил себе стакан ликера и ответил.

"Я выполнил просьбу". Голова фигуры в капюшоне резко повернулась вправо.

Одинокая фигура отделилась от внезапного скопления людей в кабинете.

"Хороший Дессидус... хороший", - он не смог подавить дрожь, когда она произнесла его имя, - "теперь мы можем попросить тебя только об одном", - Дессидус сделал единственный глоток жидкости из своего кубка, надеясь успокоить нервы.

"Я сделаю это" Мягкая усмешка, одновременно женская и мужская по своему тону, эхом отразилась от капюшона.

"В следующее мгновение Дессидус Обрантис умер, откинувшись в кресле, а его глаза закатились в череп.

Фигуры в плащах покинули комнату так же быстро, как и появились.

Все шло... просто.

Как.

По плану.

Алена была в смятении, когда пришли новости.

Она видела Дессиду всего несколько дней назад. А теперь он был... мертв. Люциану сообщили новость через час после того, как Алена получила ее.

Естественная смерть, сердечный приступ. Он умер во сне, в комфортных условиях.

О чем большинство мужчин и женщин Империи могли только мечтать.

"Ужасно", - заметил Остус, доедая свой завтрак, пока двое других обрабатывали вокс-сообщение.

Мужчина посмотрел между ними, решив, что их мрачные лица означают, что ему не стоит быть в таком приличном настроении.

Даже если еда была вкусной.

"Не было ли упоминания об услуге?" - предложил он, пытаясь хоть как-то сгладить упадническое настроение Алены.

Дессидус был ее хорошим другом. Последним остатком ее прежней жизни.

Его смерть, очевидно, ранила ее сильнее, чем Остус мог себе представить.

"Есть", - заметил Люциан, вчитываясь в сообщение, - "это сегодня, поздно вечером", - объявил он, глядя на Алену.

Остус кашлянул, привлекая внимание двух других сидящих за кухонным столом.

"Мне нужно доставить сырье и забрать его у городских стен сегодня днем", - он перевернул немного еды на своей тарелке, - "Я мог бы извинить Люциана на этот день, Алена, если вы двое хотите выразить свое почтение?".

Алена посмотрела на Люциана, и мальчик просто молча кивнул.

"Спасибо, Остус. Это очень много для меня значит", - махнул рукой ворчливый бригадир.

"Нет проблем. Просто пообещай мне, что мой лучший работник вернется на следующий день рано утром на смену", - он подмигнул Люциану, пытаясь и успешно добившись улыбки от мальчика, - "и я буду считать, что все в расчете". Алена тоже улыбнулась, хотя выражение ее лица было опечаленным.

Позже в тот же день они отправились на похороны. У Алены была возможность помолиться за

своего друга, как и у Люциана.

Служба была тихой, небольшой и эффективной.

Люциан не знал ни одного человека из присутствующих.

Несколько человек в плащах тоже присутствовали, но даже если он и знал их, Люциан так и не смог разглядеть их лиц.

Затем они разошлись, спокойно дошли до городских стен, а затем отправились во внешний город.

Люциан еще не знал этого, но это был конец.

"Кровь!" - раздался призыв из тени.

На улицах было немногочисленно. За стенами улья, во внешнем кольце города, раскинувшегося по поверхности Гелиоса, отсутствие людей в этот час ночи было вполне ожидаемо.

Но чтобы совсем никого? Целая улица, казалось бы, лишена жизни?

Нелепо.

Только мирный житель был бы настолько глуп, чтобы пройти по такому пути.

Люциан бежал, спасая свою жизнь, в том возрасте, когда никто не должен спасаться бегством. Алена, чистая и добрая женщина, вырастившая его, лежала мертвая, кровь сочилась из ее тела.

Они шли домой в мрачном молчании, просто печальный день, ознаменовавший смерть друга. Кроме похорон, для них двоих не было ничего необычного.

Никто из них не видел убийцу до того, как он настиг их.

А когда нападавший нанес удар, ни в одном направлении не было видно ни души.

Алена закричала о помощи, когда убийца бросился на нее. Мальчик замер, наблюдая, как клинок опускается на Алену, но адреналин в его организме подстегнул его к действию.

Его тело приняло решение бежать, а не сражаться.

Люциан пробежал под выступом - рядом труб, соединявших одно строение с другим, и спрятался под ним, когда Алена упала.

Адептус Арбитрес отреагирует на тревогу лишь через несколько минут, но этого времени будет достаточно, чтобы убийца успел скрыться после расправы над своей жертвой.

Разобравшись с леди, мальчик спрятался в небольшой нише, его страх был очевиден для мужчины.

"Иди сюда, дитя, - прорычал на Люциана хриплый голос оборванца, - тебе не нужно бояться этого..." Кривой клинок в руке монстра блестел от крови.

Люциан почувствовал, как весь его мир сузился. Женщина, которая вырастила его,



рассказывала ему истории, когда его била лихорадка, держала его за руку, когда его впервые привели работать на поля Гелиоса, была мертва.

Она лежала, не двигаясь, прямо за фигурой убийцы.

Ее блестящие глаза, безжизненные и пустые, смотрели в небо.

Кровь продолжала сочиться из пореза на шее, окрашивая ее серую одежду в ужасный черный цвет.

Красная жидкость... она поразила его, вызвав эмоции, с которыми он никогда раньше не сталкивался.

Ужас.

Страх.

Люциан поднял голову, когда мужчина подошел к нему, его намерения были яснее ясного. Так вот как все закончилось? От рук чудовища?

Мужчина опустился на колени у выемки, держась за трубу, чтобы как следует рассмотреть ребенка.

Он был всклокочен, с ужасно острыми зубами и гниющим глазом.

"Дерись, если хочешь", - мужчина выхватил свой нож, готовый метнуть его в мальчика.

Люциан, повинувшись какому-то неведомому, но похороненному инстинкту, поднял ладонь в сторону мужчины.

"Но ты отдашь Кровь за..." Треснувший выстрел из пистолета разбил и слова мужчины, и его голову. Люциан не успел закрыть глаза, как на него обрушилась струя крови.

Жидкость каким-то образом избежала его глаз, лишь разбрызгавшись по шее и щеке.

Его ясное зрение позволило ему прекрасно видеть, как голова мужчины просто исчезла.

Он опустил руку, не задумываясь о том, зачем он вообще ее поднял. Как будто это могло помешать его потенциальному убийце ударить его.

Но теперь Люциан увидел это.

Правда о мире, в котором он жил, жестокость его реальности, открылась ему в макабрической демонстрации. Каждая деталь была зафиксирована его глазами и сохранена в его сознании. Слова, которым научила его Алена, больше не были бессвязными.

Природа его мира была обнажена перед ним.

"Кайус Хеликс кивнул своему коллеге и опустил свой болтер, когда труп убийцы упал.

Он сам и его коллега, Линвуд Декулус, исследовали этот жилой сектор почти год. Серия убийств, о которых сообщалось, указывала на то, что этот сектор города является эпицентром.

Так далеко от центра улья означало меньшее присутствие Арбитра.

Трусливое, но эффективное.

Похоже, они наконец-то сделали то, что задумали.

Еще одна маленькая победа Империи.

"Я молился, чтобы именно я поймал это чудовище, Кайус", - ворчал Линвуд, уже двигаясь к двум телам на улице.

Хотя Кайус был младшим из них, с чисто выбритым лицом и протезом только одной конечности - левой ноги, Линвуд был более опытным. Его правый глаз был одним из первых, который он потерял, служа Империи и Императору.

Вскоре за ним последовали ноги.

Затем плечо и селезенка.

Линвуд так и не объяснил, как он потерял почти половину своей смертной формы, кроме объяснения "при исполнении служебных обязанностей".

Суровый голос мужчины соответствовал его мрачному виду. На его лысой голове были начертаны священные тексты, защищающие от козней многочисленных врагов человечества.

Как извне, так и изнутри.

Кайус усмехнулся, но зашагал за своим коллегой-арбитром, его красный плащ развевался при быстром повороте тела.

Кайус был красивым мужчиной, что отмечали даже некоторые дворяне Гелиоса. Многие знали его как человека, посвященного в такие круги общества, куда не приглашали даже Малых Лордов.

Его черные волосы были уложены назад и ниспадали на легкие доспехи.

Его знаки отличия и знаки отличия украшали его форму.

Когда они приблизились к месту происшествия, резкие черты лица Кайуса сузились до хмурого выражения. Он начал доставать свой болтер, заметив движение справа от них.

"Стоять", - гаркнул Линвуд.

Через секунду из проема в стене появился ребенок.

Милостью Императора... - подумал Кайус, его хмурый взгляд сменился легкой печалью. Леди была убита здесь... ее сын был свидетелем этого.

Мягкий и тихий голос долетел до них.

"... вы можете... вы можете ей помочь?"

Прежде чем Кайус успел ответить, Линвуд подошел к мальчику.

Движение было настолько быстрым, что испуганный мальчик отпрянул назад под выступы, страх двигал его движениями.

"Не бойся нас, мальчик", - сказал страшный человек.

Люциан открыл глаза и заметил металлического человека, который стоял перед ним на коленях, пригнув голову и глядя на Люциана.

"Я... я не боюсь", - Люциан пытался быть храбрым, но дрожь в его голосе выдавала проскальзывающий страх.

"Тогда выйди сюда, чтобы мы могли поговорить с тобой", - робко произнес мальчик и вышел из алькова. Оба мужчины были внушительными и крупными, с явно прикрепленным к лицу оружием. Тот, что поменьше, подошел к телу злого человека, оглядывая покрытую тряпками форму. Тот, что побольше, страшный, смотрел Люциану прямо в глаза. Он не удержался и украдкой взглянул на металлический глаз мужчины. Он светился красным светом и немигающе смотрел на него.

Если не слишком заметные взгляды на его уродство и беспокоили мужчину, то этого не было видно, потому что мгновение спустя он заговорил прямо: "Как тебя зовут, мальчик?" Это был не вопрос, а требование, произнесенное с авторитетом, которого можно было бы ожидать от исполнителя воли человечества.

"Люциан, мой господин" Меньший, сделанный из меньшего количества металла и все еще осматривавший труп и оружие, фыркнул на это: "Он не господин, мальчик, просто скромный слуга Императора" Страшный, казалось, не замечал своего друга, его внимание было приковано к Люциану.

"Что здесь произошло?" Люциан инстинктивно вспомнил всего несколько минут, и снова реальность его положения обрушилась на него. Слезы начали наполнять его глаза.

Линвуд был на пределе своего терпения. Мальчик был слабым и раздражающим. Его невинность оскорбляла Арбитра, и офицер Империи уже готов был сорваться, когда глаза мальчика наполнились жидкостью.

"Он хотел крови" Хотя ребенок дрожал, как лист на ветру, его голос оставался твердым.

Сильным. Это на мгновение ошеломило мужчину.

Стойкость, даже такая незначительная, была впечатляющей для столь юного человека.

Но слова....

"Вы можете ей помочь?"

Прежде чем вернуться к своим обязанностям, мрачный арбайт предложил единственное утешение, которое такой человек, как он, получил в юном возрасте.

"Она сейчас с Императором". Отвернувшись от мальчика, Линвуд поднялся и перевел взгляд на труп, над которым стоял Кайус.

"Сними одежду", - приказал Линвуд, доставая свой болтер, готовый к использованию. Его взгляд стал суровее обычного, усталые глаза мелькали между строениями и выступами зданий вокруг них.

Кайус поднял бровь, но выполнил приказ, потянулся вниз и схватил черную ткань,

украшавшую убийцу.

Когда она была сорвана, открылась правда об убийце.

На спине безголового трупа, вырезанная на самой его плоти, была восьмиконечная звезда.

Линвуд нахмурился еще сильнее, даже когда Кайус зашипел и отступил назад.

"Хаос" "Так близко!" - шипела фигура в капюшоне, "ты что, не видел! Мальчик почти..." "Тихо дурак!" - огрызнулся другой, оттаскивая своего собеседника в тень. Старший арбайт повернулся, чтобы посмотреть прямо на них, и почти заметил более нетерпеливого из них.

В конце концов мужчина отвернулся, уводя с собой мальчика.

Другой арбайт, помоложе, тащивший за собой труп, обошел их с фланга, его голова постоянно вертелась.

Скорее всего, они вызовут воздушный транспорт из более безопасного места.

Но... Почему они взяли тело с собой?

"Мальчик был так близко... так близко! Я мог видеть силу на кончиках его пальцев! Это было... это было... славно", - фыркнул второй, выходя из анклава, как только арбитры скрылись из виду.

"Наша госпожа сказала нам это", - усмехнулся второй, - "Наша госпожа!?? Наша?! Ее жалкие соблазны ничего не значат! Вы должны были довериться Архитектору Судьбы, а не какому-то недостойному блуднику..." Второй обхватил рукой горло первого, поднимая его с земли.

"Говори осторожно, глупец, или я отправлю тебя к твоему хозяину!" Он отпустил своего сообщника, оставив его кашлять.

"Мы должны идти. Моя госпожа должна знать, что здесь произошло". Второй исчез, оставив первого, чтобы тот заметил характер засады, свидетелями которой они стали.

"Помешанный на крови дурак". Через мгновение он исчез.

В конце концов, все еще не было закончено.

Изменяющий пути был на их стороне. Поэтому, если один план провалился... многие другие стали легкодоступными.

Маршал Кадосиос Фабританус ворвался во дворец губернатора. Стук его сапог эхом разносился по большому и малонаселенному коридору.

Кадосиос был импозантным мужчиной, выше большинства своих коллег, но не такого высокого роста, как космический пехотинец, его увеличенная форма склоняла помощников и слуг, порхающих по дворцу, к тому, чтобы убраться с его военной тропы.

Его взгляд не отрывался от дверного проема в конце коридора, даже призывы секретаря губернатора не смогли его разубедить.

Вычурная дверь распахнулась, и он вошел в кабинет губернатора Уэлиса, закрыв дверь перед лицом секретаря, который попытался броситься за ним.

"Кадосиос", - тихо произнес сгорбленный человек за единственным столом в кабинете.

Маршал Гелиоса не терял времени даром.

"У нас возникла ситуация" Правильные сообщения будут отправлены. Нужные органы будут уведомлены. Подобное открытие, как правило, оставляли на рассмотрение местных инструментов, но так близко к их ежегодной десятина Империи... Губернатор не хотел рисковать.

Потянув за некоторые ниточки, он связался с единственной организацией, которой он доверял, чтобы справиться с потенциальным вторжением Хаоса.

Инквизиция.

Люциан был доставлен в небольшое помещение.

Он сидел на прохладном металлическом полу затемненной комнаты, подтянув колени к груди и крепко обхватив их руками.

В его голове бушевала буря эмоций и воспоминаний.

Он видел образ Алены, которую ударили ножом, снова и снова.

Ее кровь все еще сочилась из ее тела, когда Арбитры забрали его. Забрали его в это ужасное место. Здесь не было ни окон, ни очевидных дверей. Не было ни мебели, ни стульев, ни чего-либо подобного.

Это было отвратительное место.

Люциан решил, что ему не нравится эта металлическая комната.

Слова старшего мужчины запали ему в душу.

"Она сейчас с императором", - тихо повторил Люциан. В комнате было так тихо и неподвижно, что ему не хотелось говорить. Его голос и тихие всхлипывания были единственным шумом, пронизывающим пространство.

Это было ужасно.

Его эмоции снова вспыхнули.

Мир сузился в точку, и Люциан закрыл глаза, все ужасные чувства и воспоминания нахлынули на него в один момент.

Он не заметил, как комната слегка прогнулась. Фундамент самого пространства, в котором он находился, прогибался и бился в конвульсиях.

А потом все прекратилось.

Мальчик открыл глаза.

Люциан почувствовал, что его ярость угасла так же быстро, как и появилась. Он вдруг почувствовал себя таким усталым и истощенным, только на него навалилась тяжесть.

Земля казалась уютной, даже если она была сделана из серой стали.

Все мысли вылетели у него из головы, когда он осторожно опустился на пол.

Приняв наиболее удобную позу, Люциан через несколько мгновений уже спал.

В наблюдательной комнате напротив него четверо мужчин и женщин потеряли дар речи, уставившись друг на друга.

Через секунду они начали действовать, сообщая как можно большему количеству людей о том, что именно только что произошло в комнате для задержанных.

Губернатор Ромозейн Велис отвернулся от полученного сообщения, его взгляд был устремлен на мир, пока он обдумывал ситуацию.

Инквизиция была вызвана всего несколько дней назад. Он ожидал ответа в течение нескольких недель.

Но не один, а два инквизитора находились в пути. Первым должен был прибыть член Ордо Маллеус.

Прибыл, чтобы разобраться с последней проблемой Гелиоса... Хаос.

Богохульники.

Ересь.

В пределах его границ, в его мире, мире, который знал смутное прикосновение мира в Империи.

...на какое-то время, то есть.

Много веков назад семья губернатора охраняла этот мир. В то время, задолго до Ромозейна, Гелиос подвергся нападению двух самых упорных и смертоносных врагов.

Гринскины, бесконечный поток орков, заполонили его мир задолго до того, как он стал лишь отблеском глаза его прадеда.

Его предки отбили их, стерли с лица планеты их бедствия и поселились здесь.

И тогда второй враг нанес удар.

Еще один вид ксеносов, эльдар.

В отличие от орков, война с этими гораздо более совершенными мерзостями была дорогой и кровавой.

Но семья Ромозейна одержала победу.

Гелиос снова принадлежал человечеству.

И после четырех поколений относительного мира... появился новый враг. Такой, что даже Император едва не потерпел поражение... Губернатор Гелиоса отвернулся от высоких стеклянных окон своего кабинета и уставился на стену справа от безупречного и

впечатляющего вида.

На этой стене находился ряд предметов, каждый из которых освещался точечным светом с остроконечного украшенного потолка.

Трофеи.

Боевые когти орков, шлемы эльдар... каждая из этих вещей считалась запрещенным предметом. Но Ромозейн хранил их, чтобы напоминать себе о суровости, с которой столкнулся его мир.

Война не вернется на его планету бесконтрольно. Катастрофа не разразится, пока он сидит на своем посту.

Инквизиция скоро будет здесь.

И тогда все вернется на круги своя.

Ромозейн посмотрел на самый большой экспонат своей коллекции - череп орка "Босс войны". Грубое существо, с ужасающе гротескными чертами, подходящими для расы с именем Орк.

Если бы угроза зеленокожих была побеждена, то эти еретики были бы вырезаны, как злокачественный нарост.

Инквизитор Ахмаззи из Ордо Маллеус был стар. Очень стар. По всем правилам его давно должны были похоронить, позволив наконец отдохнуть от своих обязанностей перед Империем.

Гвардия и не подозревала, как хорошо им досталось.

Достаточно было одного артиллерийского снаряда, шального выстрела или даже случайного дружественного огня, и они присоединились бы к Императору в загробном мире.

Что касается Ахмаззи... он полагал, что просто слишком хорош в своем деле.

Да и оставаться в живых, похоже, было его особенностью.

Поэтому, когда его личный корабль вошел в атмосферу Гелиоса, и он затрепетал, как лист на ветру, старик только и мог, что ворчать про себя.

Его личные охранники, облаченные в плащ и броню, ничего не сказали по этому поводу.

В кабине корабля находилось шесть человек, а их было четверо. Каждый был вооружен своим личным оружием.

Болтеры, фламеры, гранаты и даже плазменный пистолет у одного из них.

Большинство из них проверяли и перепроверяли свое снаряжение, вознося постоянные молитвы духам машин, которые ими управляли.

Честно говоря, они привыкли к ворчанию своих начальников.

Старик никогда не отказывался от работы, и, откровенно говоря, в Искажении будет холодный день, когда Великий Ахмаззи откажется поразить силы Врага.

"Значит, это все?" - раздался тихий голос со стороны инквизитора.

Ахмаззи вздохнул.

Его помощник и санкционированный псайкер, Денекс Дондарин, наверняка будет действовать ему на нервы. Этому человеку было всего 40 лет, и он еще не успел провести достаточно времени, преследуя цели Инквизиции.

Он был самой яркоглазой и полноволосяй заменой псайкера, которую когда-либо получал Ахмаззи.

Последний погиб с честью.

Атмосферный толчок потряс всех их в креслах.

Ахмаззи лишь на мгновение погладил свою бороду.

"Мы узнаем, когда оценим ситуацию" "Но что насчет этого псайкера в заключении? Свидетель нападения, разве не..." Ахмаззи устремил на своего нетерпеливого подчиненного злобный взгляд. Он знал, что лучше не говорить о таких вещах так открыто.

Денекс повесил голову.

"Мои извинения, лорд инквизитор, я просто... рад наконец-то быть полезным", - фыркнул Ахмаззи, - "как вы будете полезны, еще предстоит увидеть", - рот Денека слегка приоткрылся, и, к радости инквизитора, его ответ оборвал пилот, объявивший о посадке.

" Милорд инквизитор. Мы будем на земле через несколько мгновений.

Да благословит Император вашу экспедицию".

Ахмаззи включил свой вокс-канал, ответив своему послушному пилоту: "Моя благодарность Гарридусу. Мы свяжемся с вами, если нам понадобится немедленное возвращение" Старик проигнорировал ответное подтверждение, когда "Валькирия" на короткое мгновение коснулась земли.

Освободив свои места, Ахмаззи встал, его помощник и телохранители тоже встали.

Предстояла работа, и, очевидно, культ Хаоса, который нужно было разгромить и уничтожить.

Линвуд Декулус и Кайус Хеликс наблюдали за мальчиком. После того как команда наблюдателей устроила заслуженную истерику, увидев, как мальчик на мгновение искажил реальность, двое решили освободить их от обязанностей.

В конце концов, если прикосновение хаоса достигло ребенка, оно могло достичь и их.

Инквизитор решит, когда прибудет.

"Знаешь, - начал Кайус со своего места в маленькой комнате размером 5 на 10 метров, - если это последние дни, проведенные мной среди живых, я буду очень раздосадован". Пока его коллега устраивался поудобнее в своем кресле, Линвуд стоял, не сводя глаз с рядов мониторов перед ним.

Линвуд внимательно следил за каждым из мониторов.



Мальчик не двигался со своего места.

Линвуду было трудно разглядеть какую-либо угрозу в крошечной фигуре мальчика. Такое маленькое тело и каркас можно было сломать собственными руками, не говоря уже о том, чтобы расправиться с ним с помощью болтера или фламера.

Слуги только что накормили его, и слабые движения ребенка делали его понимание того, что мальчик представляет угрозу... невозможным.

Хотя в глубине души он знал, что глаза его не обманули. Все в крепости Арбитров ощущали странность, исходившую из этой части строения.

Первоначальная группа наблюдателей чуть не впала в истерику, пытаясь сообщить кому-нибудь о случившемся.

Маршал лично приказал изолировать группу наблюдения и поручил Кайусу и Линвуду наблюдать за мальчиком.

Они, конечно же, были заперты в комнате наблюдения, будучи такими же пленниками, как и мальчик с группой наблюдения.

"Вы умрете, выполняя свой долг перед Императором и Его Империиумом", - ответил Линвуд.

"Инквизиция - первая и последняя линия обороны против врагов человечества. Они сделают все, что сочтут необходимым, чтобы остановить любые потенциальные угрозы", - фыркнул Кайус на почти автоматический ответ, - "пфф. Насколько я слышал, они просто уничтожат нас с орбиты и на этом закончат", - Линвуд скорчил гримасу, несколько позабавленный шуткой, - "если им придется", - Кайус поднял бровь, - "откуда ты знаешь?".

Между двумя напарниками воцарилось напряженное молчание.

Линвуд хотел промолчать, но знал, что если этот инквизитор... Ошибся, то это действительно будут их последние дни жизни.

Казалось, нет необходимости хранить секреты.

"Я служил под началом одного инквизитора. Женщина... из Ордо Ксенос... она освободила меня от службы, когда мы находились над Гелиосом", - у Кайуса отвисла челюсть.

"Святой Трон... ты что, решил поиздеваться надо мной, да?"

Линвуд ничего не ответил.

"Нет... Правда? Подождите, подождите, подождите", - Кайус вскочил на ноги, и Линвуд почувствовал, как начинает болеть голова.

"Ты все это время был охотником на ксеносов и не поделился со мной ни одной историей, - Кайус прижал руку к груди, - ты ранил меня, сэр, - прорычал Линвуд, - для меня самого это были беспокойные времена. В молодости я был очень... опрометчив, - ухмыльнулся Кайус, - настолько опрометчив, что был освобожден от службы инквизиторам?"

Линвуд вздрогнул, его глаза на мгновение перевели взгляд на Кайуса. Это было редкое явление, когда младший мужчина оставлял своего старшего коллегу в растерянности.

Поэтому Линвуд ударил его кулаком в нос.

"Ай!" Кайус отлетел назад, сел в кресло и схватился обеими руками за лицо: "За что, во имя Императора, это было?"

Линвуд уже собирался ответить, когда дверь в конце комнаты наблюдения открылась.

Не менее четырех тяжелобронированных Темпестус Сайонс стояли по бокам от двух мужчин. Один из них был одет в легкие доспехи и мантию, и был более молодым из этой пары.

Другой, пожилой и низкорослый, опирался на каин. Линвуд не стал сбрасывать со счетов меч, висевший у него на поясе.

Сначала на него смотрело старое лицо, один глаз которого был заменен окукусом, а по спине тянулись провода. Его левая нога тоже была механической, что, вероятно, объясняло, почему он предпочитал правую ногу и каин в руке.

Его одежда была черной и отделанной, детализированной таким образом, что у Линвуда не осталось никаких сомнений.

Арбитр низко поклонился: "Милорд инквизитор!" Спокойно войдя в комнату, старик ничего не сказал. Пока его спутник следовал за ним, его охранник остался в коридоре.

Он подошел и встал рядом с Линвудом, его взгляд был прикован к монитору, на который смотрел Арбитр.

Адъютант смотрел на Кайуса, который изо всех сил старался не съежиться под взглядом другого человека.

"Я инквизитор Ахмаззи. Мне сообщили, что вы - те двое инквизиторов, которые обнаружили присутствие хаоса пять дней назад" Старик, которого теперь узнали как Ахмаззи, повернулся лицом к Линвуду.

Он признал в нем старшего из них.

"Все верно, милорд, - кивнул Линвуд, - мы предположили, что подозреваемый - сумасшедший убийца..." он жестом указал на мониторы и, соответственно, на мальчика, который был на них изображен.

"Ребенок упомянул, что этот человек требовал крови. У меня возникли подозрения, и я попросил своего спутника снять с мужчины потрепанную одежду. Под ней мы обнаружили восьмиконечную звезду", - помощник отвернулся от Кайуса и перевел взгляд на Линвуда. Тот не вздрогнул от вновь обретенного подозрения.

"И как это, - Ахмаззи оглядел Линвуда с ног до головы, - арбитр так хорошо знаком с одним из многочисленных знаков Хаоса? Такой символ должен быть за пределами твоей подготовки, исполнитель", - Линвуд держал осанку прямо и отвечал.

"Милорд, я не чужд Инквизиции и угрозам, которые она стремится уничтожить", - Линвуд смерил взглядом Ахмаззи, игнорируя пристальный взгляд неизвестного помощника.

"В молодости я служил под началом инквизитора Изабель из Ордо Ксенос.

Она освободила меня от моего долга перед ней над Гелиосом. Я остался и совершенствовал

свои навыки в Адептус Арбитрес". Ахмаззи держал взгляд мужчины еще несколько минут.

Его помощник нарушил молчание.

"Он говорит правду, мой господин, даже если он слишком смущен, чтобы поделиться подробностями", - вздохнул Ахмаззи, но продолжил беспрепятственно. Старый инквизитор указал на дисплей комнаты наблюдения.

"Этот ребенок... он - выживший после нападения, - кивнул Линвуд, - и подозреваемый псайкер" Адъютант оживился, придвинулся ближе к инквизитору, чтобы заглянуть через его плечо в банк мониторов.

"Все трое повернулись к Кайусу, который слегка отпрянул от внимания.

"По крайней мере, так утверждала группа первоначального наблюдения. Мальчик проявлял признаки стресса, прежде чем все пошло, цитирую, "очень странно"", - инквизитор на мгновение замолчал.

"Следуйте за мной" Он вышел из комнаты, его помощник послушно последовал за ним.

Линвуд и Кайус колебались всего секунду. Четверо штурмовиков включили двух арбайтов в свой строй.

Или они просто хотели убедиться, что у них есть оружие за спиной. Однако Линвуд не сводил глаз со спины адъютанта. Было очевидно, что Кайус изучает инквизитора, пытаясь вобрать в себя как можно больше информации.

Линвуд знал лучше.

Адъютант был псайкером. Возможно, очень сильным. Он читал их мысли в комнате наблюдения и ничего не почувствовал.

"Инквизитор Изабель, вы сказали?"

Линвуд вынырнул из своих размышлений, когда старик заговорил. Он не повернулся, чтобы поговорить с арбитром, который теперь находился под его командованием, но Линвуд был достаточно зорким, чтобы понять, что инквизитор обращается к нему.

"Да, милорд, - ответил он через мгновение, - я служил ее... палачом" Еще пять минут прошли в тишине. Единственным звуком был стук их сапог по металлическому полу коридоров.

Они дошли до внешней стороны камеры, в которой находился мальчик, и оставались там еще несколько мгновений.

"Она умерла некоторое время назад. По крайней мере, несколько лет назад", - старик повернул голову к Линвуду, - "мои соболезнования". Дверь в камеру открылась, и он и его помощник вошли внутрь, прежде чем камера закрылась за ними.

AN: Спасибо, что прочитали. Я писал это в течение нескольких недель. Наконец-то появилось желание и стремление закончить, если вы заинтересованы в продолжении, дайте мне знать!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/89808/2875904>